
К 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ШОТА РУСТАВЕЛИ

С. ЦАИШВИЛИ

(Тбилиси)

ШОТА РУСТАВЕЛИ И ЕГО ПОЭМА

«Витязь в тигровой шкуре» — порождение древнейшей грузинской культуры, в которой органически сливаются лучшие достижения восточной и (через Византию) западной цивилизации.

Шота Руставели, будучи выразителем стремлений самой замечательной эпохи в истории грузинского народа, сложил величественный гимн, посвященный благороднейшим чувствам человека, любви и дружбе, и одним из первых в истории средневековой поэзии утвердил новый идеал современного человека.

Мудрость и поэзия господствуют в поэме Руставели в неразрывном единстве. Идеальные герои «Витязя в тигровой шкуре» обладают возвышенным духом. Несгибаемая стойкость в борьбе, жизнеутверждающая сила оптимизма — краеугольный камень мироощущения «Витязя в тигровой шкуре».

Ниже мы коснемся кратко тех основных вопросов, которые связаны с «Витязем в тигровой шкуре», как с величайшим художественным явлением средневековья.

Сюжетное построение поэмы осуществлено с подлинным мастерством. Хорошо продуманную единую сюжетную линию попутно обогащают отдельные привходящие моменты. Повествование в поэме развивается в определенной последовательности. Сначала рассказывается о событиях, имеющих место в Аравии, а после этого сообщается о трагедии, которая произошла в Индии. За повестью о любви Тинатин и Автандила следует история Нестан и Таризэла, которую автор рассказывает от лица самого же Таризэла. Попутно в рассказ включаются важные эпизоды, как, например, встреча и дружба Таризэла и Фридона, авантюрное путешествие Автандила в страну купцов и его легкая любовная интрижка с женой старейшины купцов — Фатман Хатун. Кульминация сюжета — взятие Каджетской крепости и освобождение Нестан. После триумфальных путешествий герои возвращаются в свои страны. По словам автора, друзья и в дальнейшем не забывали друг друга, и это единение стало основой могущества их государств.

Поверхностное представление сюжета «Витязя в тигровой шкуре» показывает, что в поэме определенное место занимают элементы, характерные для древнего эпоса. Здесь получила своеобразное выражение ве-

ковечная борьба добра и зла; к мотивам древней мифологии относится также заключение красавицы в твердыню царства зла, которое поэт сравнивает с похищением луны драконом; есть и несколько магических пассажей, как, например, находка в пещере волшебных доспехов, с помощью которых можно погубить Каджетское государство и т. д. Все это, однако, производит впечатление своеобразного реликта, является своего рода данью древней мифологии или ее последующей ступени — героическому эпосу. «Витязь в тигровой шкуре» и в этом отношении резко отличается от сочинения богатырского характера, называемого «Амиран-Дареджаниани» (автор — Мосе Хонэли), в котором преобладает сверхъестественный элемент. Как известно, определяющая роль сверхъестественного развития событий доминирует почти в каждом важном произведении средневековья и на Западе, и на Востоке. Достаточно вспомнить шапку-невидимку Зигфрида, посредством которой ему удается освободить Брунхильду; в «Вис о Рамин» Фахрэддина Гургани, как и в аналогичной западной повести о Тристане и Изольде, волшебство становится причиной любви. Обильно представлен этот элемент во французской поэзии и в персидских романтических поэмах того времени.

«Витязь в тигровой шкуре» задуман как широкое эпическое полотно, изображающее идеальный мир героев; поэт знакомит нас со своим представлением о возвышенной и прекрасной человеческой жизни. Однако, в отличие от древнего эпоса, в «Витязе в тигровой шкуре» звучит мощная лирическая тема, что со своей стороны дает автору больше возможностей для изображения психологии героев, делает более чувственно-конкретными отдельные пассажи. Укажем, для примера, на лирический цикл, начинающийся монологом поэта:

Что ты вертишь нас и крутишь, бессердечный мир земной?
 Всякий, кто тебе поверит, будет сетовать со мной.
 Ты откуда нас приводишь, где сравняешь нас с землей?
 Только бог один заступник всем отвергнутым тобой!

Но фактически такую возможность дают приключения Тариэла, рассказываемые в поэме от первого лица. В данном случае авторское повествование (преимущественная особенность древнего эпоса) отходит на задний план, и читатель становится свидетелем духовных страданий Тариэла, когда он восстанавливает в памяти историю своей любви и внезапной утраты Нестан-Дареджан. Именно с этой главы начинается Тариэл рассказывать об основных эпизодах своей жизни. Вместе с авторскими добавлениями тот же прием выдвигает лирическую струю на еще более передний план, что является одной из характерных черт «Витязя в тигровой шкуре», как романтической поэмы.

Тариэлу, фактически отказавшемуся от человеческого существования из-за потери Нестан и покорно ожидающему перехода в небытие, крайне трудно вспомнить о своем прошлом. Вновь должны раскрыться

его старые раны, снова должен он испытать духовные страдания, которые как будто утихли с его уходом от людей.

Развитие сюжета «Витязя в тигровой шкуре» основывается на оптимистической вере в то, что бог ниспосылает людям добро и не творит зла. И герои поэмы, преодолев множество преград, все же достигают своей заветной цели.

Наблюдение над сюжетом «Витязя в тигровой шкуре» ставит и ряд других важных вопросов, связанных с жанровой характеристикой поэмы. Взять хотя бы вопрос композиции. Он дает интересные материалы не только об особенностях поэтической речи Руставели, но и о его глубокой связи с народным героическим эпосом. Мотив неожиданного появления чужестранного витязя или введение пар друзей — композиционные приемы, явно специфичные для народного эпоса, но вместе с тем мастерское переплетение почти независимых сюжетных линий (Тариэла и Автандила) несомненно является показателем высокой литературной культуры и свидетельствует об оригинальном поэтическом мышлении Руставели.

В отличие от западных и особенно восточных рыцарских романов сюжет «Витязя в тигровой шкуре» поразительно динамичен. Читатель с неослабным интересом следит за быстрым и неожиданным развитием событий.

Целеустремленное развитие сюжета и некоторая разгрузка от излишних эпизодов — одна из характерных особенностей поэмы. Одну из причин этого здесь надо искать в конфликте между царем Индии Парсаданом, придерживающимся явно отсталых взглядов, с одной стороны, и проповедующими идею возвышенной, свободной любви Нестан и Тариэлом — с другой. Именно это противоречие, непосредственно связанное с вопросом национальной независимости Индии, ведет к временной катастрофе. Это, однако, касается больше внешней стороны развития сюжета. Реальный конфликт в поэме следует искать в духовной жизни самих персонажей, в определенном противопоставлении деятельности и бездействия, чувства и рассудка. Эта внутренняя борьба завершается победой идеальных героев поэмы. Поэтому интерес читателя направлен к духовной жизни героев, порождающей тот острый драматизм, без которого поэма Руставели не смогла бы возвыситься над средневековыми приключенческими или любовными романами.

Здесь же нельзя в двух словах не остановиться на той строфе пролога поэмы, в которой автор как будто указывает на источник для своего произведения: «Этот персидский сказ, переведенный на грузинский язык, я нашел и переложил в стихи, совершу дело, достойное похвалы». Строки эти в свое время вызвали определенное недоразумение в вопросе разыскания источников поэмы. Не говоря уже о том бесспорном факте, что история (сюжет) этого типа не была найдена в персидской литературе (специальные исследования в этом направлении провели первый издатель «Витязя в тигровой шкуре» Вахтанг VI, ориенталист Ю. Марр и др.), причем в поэме явно заметна антиперсидская тенденция (хорезмийский эпизод), поэма Шота Руставели по своей идейной целенаправ-

ленности целиком возникла на грузинской национальной основе. Этих вопросов мы коснемся и ниже, но здесь же заметим, что отображенный в поэме рыцарский культ, проблема женской эмансипации, без которых от поэмы не остается почти ничего, целиком и полностью совпадают с тем светским идеалом, который возник в развивающемся грузинском феодальном государстве. Грузинский историк И. Джавахишвили на многочисленных примерах показывал точную тождественность изображенной в поэме социальной среды исторической действительности Грузии 12—13 вв.

Наконец, самый факт коронования Тamar, представлявший уникальное явление на мусульманском Востоке, уже сам по себе говорит в пользу этого последнего предположения (вспомним коронование Тинатин в поэме или то обстоятельство, что Тариэл также принадлежал к царственной фамилии, как Давид Сослан, ставший впоследствии мужем Тamar, и т. д.).

«Витязь в тигровой шкуре» фактически посвящен царице Тамаре, о чем автор заявляет прямо («Воспоем Тamar-царицу, почитаемую свято!»), а иногда в аллегорической форме («Пусть, не названная мною, здесь она отобразится»).

Вместе с тем, объявляя о заимствовании сюжета, поэт как бы придает больше ценности своему произведению в глазах читателей. Указание же на персидский источник, как отмечал еще первый комментатор поэмы Вахтанг VI, вызвано тем, что героико-любовные поэмы были широко распространены в персидской литературе.

* *
*

Как мы уже указывали, «Витязь в тигровой шкуре» представляет собой роман в современном смысле этого слова, хотя своей поэтической формой он приближается к романтической поэме. Несмотря на это, произведение Руставели в некотором отношении зависит от его предшественников. Так, например, по своей художественной конструкции «Витязь в тигровой шкуре» проявляет больше близости к восточной романтической поэме, блестящим образцом которой является «Лейла и Меджнун» Низами Гянджеви. В «Витязе в тигровой шкуре» мы могли бы особо выделить историю любви Тариэла и его бегство в пустыню, получив картину, в художественном отношении поразительно близко стоящую к упомянутой поэме «Лейла и Меджнун». В образе Тариэла мы находим много характерных черт типа «миджнура» (обезумевшего влюбленного), выработанного на Востоке. Что же касается первой половины его истории, то и здесь мы имеем аналогичное положение — до тех пор, пока уже по существу в закончившуюся жизнь Тариэла не вмешивается активная сила, ниспосылаемая самой жизнью в лице Автандила. В данном случае, как и в других принципиальных вопросах, «Витязь в тигровой шкуре» диаметрально противопоставляется восточной поэме и проповедует совершенно другие идеалы (как известно, у Кайса тоже была возможность вер-

нуться к жизни, хотя бы при активной помощи других, но целенаправленность поэмы уже сама по себе отрицала такое решение вопроса). Одним из признаков ренессансной направленности «Витязя в тигровой шкуре» считают именно то, что здесь проявляется особый интерес к человеку и его жизни. Это положение в определенной части несомненно правильно, и тогда совершенно естественно, что с этой точки зрения на автора «Витязя в тигровой шкуре» определенное влияние оказало произведение Фахр-эд-дина Гургани «Вис о Рамин», или, точнее, грузинский его перевод «Висрамиани», в ту эпоху, видимо, давно уже распространенный в грузинских культурных кругах. «Висрамиани», в котором все внимание уделяется земной жизни человека (с чрезмерно натуралистическим уклоном), могло бы дать определенный материал гениальному автору «Витязя в тигровой шкуре», хотя в принципиальных вопросах Шота Руставели проповедует совершенно иные этические нормы и чрезвычайно далек от культа плотской любви, проповедуемого «Висрамиани». Мы здесь не будем задерживаться на вопросе об определенном влиянии восточной поэтики на стих Руставели, особенностей которого коснемся ниже.

Следует отметить как факт, что литература классической эпохи, и в частности, «Витязь в тигровой шкуре», созданный с явно ренессансным вдохновением, в идейном отношении вскормлена богатыми грузинскими литературно-фольклорными традициями, философским направлением христианского неоплатонизма и восточной, в частности, персидской литературой.

* *
*

При исследовании мировоззрения автора «Витязя в тигровой шкуре» мы в первую очередь должны руководствоваться грузинской исторической действительностью. Идея религиозной веротерпимости, о которой мы говорили выше,— одна из основ идейного направления «Витязя в тигровой шкуре». «Когда Руставели писал свою поэму, он, видимо, не стремился восхвалять одну какую-либо религию, а другую унизить, он ни за одной не признавал превосходства, а на все смотрел критически и сам выработал собственную философию о жизни, собственное мировоззрение»¹. Однако всестороннее рассмотрение поэмы показывает, что автор ее несомненно является христианином. Достаточно отметить, что в совершенно неожиданных ситуациях, когда внешне в поэме изображается мусульманский мир, кое-где проявляется христианская точка зрения автора (например, в одном месте упоминается христианский праздник воскресение, приведены цитаты из библии, имеется ссылка на апостола Павла и т. д.), но главное все же в том, что автор, говоря о боге, наделяет его такими общими эпитетами, которые проистекают именно из грузинской христианской литературы. Руставели прекрасно знаком с неоплатонизмом, имевшим блестящих представителей и в грузинской философской литературе. Н. Я. Марр в своей специальной работе «Поэма

¹ О. Уордоп, журн. «Цискари», № 3, 1966, стр. 114.

Петрици, грузинский неоплатоник XI—XII вв.» отмечал, что грузины в XI—XII вв. «интересовались в области философии теми же вопросами, какие занимали передовые умы тогдашнего христианского мира как на Востоке, так и на Западе, с тем отличием от других, например от европейцев, что тогда грузины отзывались раньше других на наиболее новые течения философской мысли и работали во всеоружии образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно над греческими подлинниками» (стр. 61).

Автор «Витязя в тигровой шкуре» хорошо знаком с получившей в дальнейшем широкое распространение в Западной Европе так называемой ареопагической христологией, авторство которой исследователи последнего времени (акад. Ш. Нуцубидзе, бельгийский ученый Эрнест Хонигман) приписывают выдающемуся грузинскому деятелю V века Петру Цверу. Несомненные факты совпадений между «Витязем в тигровой шкуре» и ареопагическими сочинениями мы встречаем не только в отдельных терминах, но и при изображении небесной иерархии. Шота Руставели близок также к предшествующим ему грузинским неоплатоникам, среди которых отличается грузинский философ Иоанн Петрици (он перевел и снабдил оригинальными комментариями «Элементы теологии» Прокла и др.).

Если в понимании верховного существа, бога, автор «Витязя в тигровой шкуре» стоит близко к христианству, то этого нельзя сказать о его общем отношении к христианской религии. Руставели чужды те основные мотивы, которыми вдохновляется христианство. Такие понятия, как спаситель, первородный грех, суетность и тщета земного бытия для Руставели — решенная проблема. Хотя исходной для поэта является христианская религия, он в ряде случаев приближается к неоплатонической философии. Достаточно вспомнить, как Нестан представляет себе потусторонний мир, чтобы стала ясной эта точка зрения:

Помолись, мой милый, богу, чтоб послал он мне спасенье!
 Со стихиями земными тяжко мне соединенье,
 Воспарив на легких крыльях, я постигну обновленье,
 Днем и ночью буду видеть солнца дивное горенье.

Это — рай библейского христианства, мистический мир, созданный религиозной философией. Руставели блестяще знаком с неоплатонической философией и теогонией, этими составными элементами его мировоззрения. Но для решения той проблемы, которую поставило христианство и которую по существу решает «Витязь в тигровой шкуре», конечно, неоплатоническое учение не могло дать многого, ибо его правильно называют философией смерти. Руставели смело поставил совершенно неожиданную для средневековья проблему о месте человека, о его уделе в земной жизни и нашел для нее поистине ренессансное решение. Постановка глубокочеловечных проблем в «Витязе в тигровой шкуре» уже сама по себе была игнорированием официальной религии. Величайшую

роль сыграла в этом грузинская действительность XII века и гениальное художественное чутье поэта. Новых высот мировоззрения Руставели достиг не путем рефлексии и логического мышления, а своей гениальной поэтической интуицией.

Краеугольным камнем мировоззрения Руставели является возвышенный гуманизм, красной нитью пронизывающий от начала до конца всю поэму, ее художественную систему, персонажей, которые действуют в поэме и своим ренессансным духом с поразительной смелостью разрушают средневековые христианско-эстетические рамки. Это, естественно, вытекает из вышеуказанных взглядов, и дальнейшая его разработка — неотложная задача руставелологической науки.

В «Витязе в тигровой шкуре» доминируют два идейно-тематических мотива — любовь и дружба. Вместе с тем совершенно по-разному представлены в поэме две пары: Нестан-Дареджан и Тариэл, с одной стороны, и Тинатин и Автандил — с другой. Одно время исследователи искусственно противопоставляли эти два мотива, тогда как рыцаря, как он изображен в поэме, невозможно себе представить без этих двух компонентов. Так, например, в 1917 г. Н. Я. Марр прямо указывал, что «побратимство, или клятвенный союз, братьев-витязей есть фундамент поэмы». Эту точку зрения поддерживал И. Джавахишвили, а также руставелолог З. Авалишвили. По мнению Джавахишвили, братская дружба — «основная идея, ради которой написал Шота Руставели эту гениальную поэму». В наши дни этот вопрос ставится совершенно иначе, и, конечно, если мы согласимся с этой точкой зрения, «Витязь в тигровой шкуре» придется признать произведением совершенно другого жанра.

Первейшая задача автора «Витязя в тигровой шкуре» — изображение свободных людей, представлявших ему идеальными, которых он ищет именно среди восходящего феодального класса. Этим вызвана исключительность главных героев поэмы в области как физических, так и духовных достоинств, их аристократический блеск и изящество манер. Представленные в поэме идеальные герои, царицы Нестан и Тинатин, рыцари Тариэл и Автандил, руководствуются нежнейшими чувствами любви и дружбы, и это нужно поэту для того, чтобы всесторонне обрисовать их художественный образ.

Проблема, заслуживающая в данном случае особого внимания, касается раскрытия природы образов-характеров поэмы. Именно здесь должен проявить себя Руставели как поэт и мыслитель, поскольку то или иное решение характера уже относится к художественному кредо автора, служит поистине специфическим признаком его поэтической речи. И действительно, «Витязь в тигровой шкуре» являет собой блестящее подтверждение этого положения. Руставели сложил бессмертный гимн благороднейшим человеческим чувствам, воспел тот мир, который рисовался ему в идеале, и населил этот мир такими поразительно прекрасными людьми, как Нестан и Тинатин, Тариэл, Автандил и Фридон.

Можно смело сказать, что Нестан и Тариэл, Тинатин и Автандил — бессмертные образы мировой литературы. Своими эстетическими или

этическими качествами они дают все основания для того, чтобы признать Руставели величайшим гуманистом средневековья.

Огромное значение с этой точки зрения имеет представленный в поэме образ Фатман Хатун — женщины, легко переносящей смену легких любовных чувств. Эпизод Фатман, стоящий как будто за пределами основной художественной задачи автора, своей реалистичностью вносит в поэму определенный колорит. Наряду с живописными красками, которых мы коснемся ниже, этот эпизод дышет необычайной земной жизнью, легким юмором; в нем автор блестяще проявляет многообразие своих художественных возможностей. «Витязя в тигровой шкуре», как предшественника современного романа, наиболее важными штрихами обогащает именно эпизод Фатман. Поэтому еще в 1884 г. известный австрийский писатель барон Зутнер указывал, что «беспристрастность вынуждает нас назвать Руставели гением, поскольку он создал роман в то время, когда этот жанр эпической поэзии еще не существовал в Европе»².

«Витязь в тигровой шкуре» — великолепная поэма любви, и братская дружба здесь входит в сферу этого величественного чувства. Они также не противостоят друг другу, как Таризл—Авандилу и Нестан—Тинатин.

Любовь — вековая тема поэзии. Ее воспевали и задолго до Руставели, ею проникнута персидская романтическая поэзия; гимны любви слагали современники Руставели — провансальские поэты; платоническая теория любви в восточной и западной поэзии приобрела тысячи разных нюансов, представляя то в неоплатонической мистической форме, то в виде суфистического гимна. Любовь имела свое постоянное место (в той или иной степени) и в западноевропейских рыцарских романах, но именно здесь начинается существенная сторона вопроса. Иногда подчеркивают, что главная заслуга Руставели состоит в том, что в темном мраке средневековья именно на этой земле он нашел просторы для победы любви, но это только одна сторона вопроса, а главное все же состоит в том, что Руставели воспел такую любовь, равную которой трудно найти в сокровищнице мировой литературы. Она зовется руставелевской любовью, чистым (здесь он приближается к Данте) и в то же время полнокровным человеческим чувством (здесь отходят друг от друга Данте и Руставели). Она толкает человека на добрые дела и рыцарские подвиги, облагораживает и очищает его, озаряя всех тем светом, о котором только может мечтать человек в этом мире, «украшенном красотой несравненной». Мы считаем справедливыми слова английского исследователя, знатока мировой поэзии Мориса Боура: «Оригинальность Руставели заключается в том, что он рассматривает любовь не как нечто ненормальное, а как силу, которая вызывает все лучшее в тех, кем она овладела... Разница между ним и другими романтическими поэтами состоит в том, что тогда как они, главным образом, интересуются развлечениями и увеселением, Руставели имеет определенную миссию, почти религиоз-

² Газ. «Кавказ», 1884, № 265.

ные убеждения. Комбинируя свое платоновское учение о любви с героическими действиями, с одной стороны, а с другой, со здравым чувством реальности, Руставели показывает, какое место должна была любовь занять в жизни. По его мнению, она должна существовать в реальном мире и быть связанной с мужественными деяниями. Смысл своего учения Руставели разрабатывает более тщательно и последовательно, чем это делали писатели французских и персидских романов, и наглядно показывает, что случилось бы, если бы люди этого достигли»³.

Создание истинно поэтического произведения Руставели считает героическим подвигом, который, наряду с мудростью, требует также и силы чувства, или, говоря словами Руставели, «сердца». В прологе «Витязя в тигровой шкуре», излагая свое поэтическое кредо, Руставели говорит о назначении и цели отдельных поэтических жанров, так же как и поэзии вообще, основывая свои рассуждения на понятиях «мудрости», «рыцарской любви» («миджнуроба»), «сердца» и «искусства». Изложенная здесь своеобразная «теория» поэтического творчества в дальнейшем развитии грузинской литературы, вплоть до XVIII в., играла почти такую же роль, как «Поэтика» Аристотеля в развитии западной литературы и «Поэтическое искусство» Буало во французском классицизме. Принципы поэтического творчества, изложенные в прологе, у Руставели практически реализованы в самой поэме, которая, тем самым, подкрепляет их авторитетность в глазах поэтов последующих эпох. По образному выражению грузинского поэта XVIII в. Давида Гурамишвили, Руставели посадил древо грузинской поэзии, которому суждено было принести обильные поэтические плоды.

* * *

История литературного грузинского языка до Руставели насчитывала почти девять столетий (литературных памятников более ранней, дохристианской эпохи не сохранилось). Однако период, непосредственно предшествовавший эпохе Руставели, отмечен наиболее интенсивным развитием литературного языка. «Витязь в тигровой шкуре» в языковом отношении является продолжением и завершением этого бурного развития. (После создания поэмы Руставели, в связи с нашествием монголов и в дальнейшем трагическими событиями в истории грузинского народа, развитие литературного языка значительно замедляется).

Наряду с грузинским фольклором, плодотворное влияние которого сказывается в ряде мотивов поэмы, «Витязю в тигровой шкуре» предшествовала богатейшая грузинская гимнография. (В VIII—X вв. грузинская христианская гимнография по своему объему и поэтическим достоинствам достигла исключительно высокого развития). Если поэтические метры, использованные и развитые в «Витязе в тигровой шкуре», возникли в народно-поэтическом творчестве и лишь после этого проло-

³ См. очерк «Шота Руставели» в кн. М. Боура «Вдохновение и поэзия», Лондон, 1955.

жили себе путь как в духовную, так и в светскую поэзию, то в отношении развития поэтического языка роль христианской гимнографии в истории грузинской поэзии была особенно значительной. Грузинскую христианскую гимнографию в этом смысле можно рассматривать как переходную ступень, с одной стороны, между общехристианской поэтической традицией и Руставели (о христианской тропике у Руставели см. ниже), а с другой стороны (в частности, в отношении версификации), — между грузинским фольклором и Руставели. Грузинская поэзия классической эпохи унаследовала от грузинской гимнографии богатую поэтическую культуру с развитой системой метафор, эпитетов, гипербол и т. п. В частности, многим обязана духовной поэзии тропика, основанная на представлении «света», особенно часто и в своеобразной переработке используемая Руставели.

В отношении тропики классическая грузинская поэзия вообще и Руставели в частности многое унаследовали и из традиционной поэтики восточной, в частности арабской и персидской литературы: Руставели в определенных рамках использует и крайне гиперболические метафоры, характерные для восточной поэзии.

Упоминание и описание драгоценных камней и тканей является вспомогательным, но довольно часто применяемым средством создания эстетического эффекта у Руставели. Палитра Руставели обильно усеяна драгоценными предметами, и в этом отношении многие места его поэмы созвучны пространным пассажам западной куртуазной литературы, выражающим наслаждение от блеска драгоценных камней и одеяний. Однако Руставели все же строг и осмотрителен в использовании поэтических украшений. В наиболее драматических и психологически напряженных ситуациях они почти или полностью отсутствуют.

Поэтическому языку Руставели присущ тот же блеск, что и изображенному им идеальному миру. Однако свой богатый запас поэтических образов поэт использует весьма осмотрительно и в строгом соответствии с конкретной эстетической задачей. В частности, поэтические и художественные выразительные средства варьируют в зависимости от того, к какой группе персонажей (к идеальным или реальным персонажам) они относятся и чьи переживания или приключения они характеризуют. Например, образ Фатман в поэме обрисован реальными штрихами, характеризующими ее физический и духовный облик. Здесь художественная деталь безраздельно господствует над поэтическим образом, тогда как в изображении идеальных героев оба эти средства выражения сочетаются в различной пропорции.

Как только в действие поэмы входит идеальный герой, автор прибегает к гиперболизму широкого размаха. Богатые поэтические образы, создающие ощущение возвышенности всего происходящего, сменяют друг друга. Здесь обильно используются астральные тропы, гиперболизация силы чувства и т. п.

Традиционные метафоры, которые Руставели использует для описания красоты и доблести своих идеальных героинь и героев, у него при-

мерно одни и те же, независимо от того, о котором из идеальных героев идет речь: волосы — агат, губы — лал и т. п.

Даже традиционной метафоре «розы» Руставели дает своеобразное преломление. Это — один из самых распространенных образов, который в поэме Руставели служит для выражения красоты и нетронутой чистоты. Но окруженная шипами роза становится образом трудно достижимой любви. Притча о розе, окруженной шипами, таким образом, подчеркивает одну из основных идей поэмы — идею твердости в невзгодах и обретения счастья путем борьбы, трудов и испытаний

Как-то раз спросили розу: «Отчего, чаруя око,
Ты колючими шипами нас царапаешь жестоко?»
«Чтобы сладкого добиться, — отвечал цветок Востока, —
Испытай сначала горечь. В даровщине мало прока!»

Однако тот же самый образ «розы» Руставели использует и в юмористическом смысле, сравнивая любовное стремление Фатман к Автандилу с противоестественной любовью между вороной и розой

Рядом с розой и ворона хочет щелкать соловьем.

Астральные метафоры и сравнения весьма характерны для поэтического стиля Руставели. Нетрадиционные же метафоры, происходящие из собственной поэтической интуиции автора, не повторяются никогда. С одной стороны, эти различия метафор и поэтических образов вообще, с другой — различия чувств и переживаний определяют индивидуальные особенности персонажей «Витязя в тигровой шкуре», имеющие столь важное значение для художественного строения поэмы.

Однако наряду с метафорами и эпитетами поэт обильно использует и сравнения. Эти последние в большинстве своем оперируют более конкретными реальными представлениями, взятыми из самых различных сфер действительности, и придают повествованию в отдельных его моментах более «земной» и бытовой характер.

Доблесть Таризэла и превосходство его в этом отношении над своими двумя друзьями при взятии крепости каджей выражены вполне реальным образом:

Этих витязей отважных с горным я сравню потоком:
После яростного ливня мчит в ущелье он глубоко,
И ревет он, и грохочет, и уже незримый оком,
Успокоенный, смолкает только на море широком.
Хоть соперников не знали ни Фридон, ни Автандил, —
Состязаться с Таризэлом нехватало братьям сил,
Ибо солнце затмевает даже яркий свет светил...

Содержание этих сравнений, надо полагать, сближает поэму с фольклорными истоками. Сравнение этого порядка создает своеобразное сти-

лирическое направление в общей художественной системе «Витязя в тигровой шкуре».

Стиль Руставели характеризуется частым использованием как положительного, так и отрицательного параллелизма. Первый состоит, по преимуществу, в употреблении в одной фразе двух слов с одним значением — одного грузинского, другого — иностранного, хотя встречается употребление и чисто грузинских синонимов. Отрицательный параллелизм в поэме применяется чаще (например, «мудрый, не безумный», «со смягченным нравом, не гневный» и т. п.).

Руставели довольно часто, хотя и не систематически, прибегает к аллитерации. Звуковые повторы не являются для него самоцелью, но вместе с тем музыкальность его стиха поразительно богата и многообразна. Излюбленным поэтическим приемом Руставели является также использование в одной фразе различных морфологических единиц (например, глагол — существительное — прилагательное), образованных от одного корня. Обилие глаголов призвано придать повествованию динамику. Характерное для Руставели словотворчество часто проявляется в образовании новых глаголов от именных основ.

Грузинский стих по своей природе — силлабо-тонический, т. е. он основан на количестве слогов, числе ударений и на их расположении в строке. Из эпохи Руставели до нас дошло несколько разных поэтических метров, в том числе — 20-сложный «пистикаури» и т. п. «Чахрухадзевский стих», также 20-сложный, но усложненный внутренней рифмой. У Руставели встречается только одна строфа с 20-сложным размером, первые две строки которой имеют и внутреннюю рифму; вся же поэма в целом написана 16-сложным стихом с цезурой посередине. Этот размер, так называемый «шаири» (шаири по-арабски значит «стих»), в грузинской поэзии документально засвидетельствован с X в. (гимн Филиппа) и занимает господствующее положение в народной поэзии. Последнее обстоятельство, в особенности же наличие этого метра в народной ритуальной поэзии, указывает на его древность.

Шаири имеет две разновидности: «высокий шаири» и «низкий шаири».

Обе эти разновидности стиха в поэме сменяют одна другую через одну, две или несколько строф. Обе они имеют свои ритмические вариации, в зависимости от расположения отдельных ритмических групп. Переход от «высокого» к «низкому» шаири в поэме бывает обусловлен изменением ритма повествования или же просто стремлением избежать монотонности.

Строфа классического шаири, применяемого Руставели, состоит из четырех строк и имеет одну рифму. Рифмы — двух- и трехсложные, изредка — четырех- и пятисложные. Трехсложная (дактилическая) рифма, как правило, применяется в «низком» шаири, двухсложная (хоренческая) — в «высоком» шаири.

«Витязь в тигровой шкуре» в издании 1957 г. содержит 1669 строф, что по масштабам восточной поэзии не так уж много. Общее число слов

в поэме — около 45 000, в том числе независимых лексических единиц — 7066. Этот богатейший запас поэтической речи в руках гениального мастера превращается в подлинную сокровищницу, из которой он черпает материал для построения своей бессмертной поэмы. О высоком поэтическом мастерстве автора говорит и тот факт, что около 3700 слов встречаются в поэме однократно.

Руставели поставил перед собой сложную задачу, избрав в качестве поэтической формы для своего произведения катрен, все строки которого зарифмованы на одно и то же окончание (по схеме а-а-а-а). Блестящая одаренность позволила поэту преодолеть эту трудность. Следует отметить, что Руставели почти нигде не повторяет одних и тех же рифм. Можно сказать, что он обогатил грузинскую поэтическую культуру совершенно новыми рифмами.